

УДК 165.0

АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х.-Г. ГАДАМЕРА

Х.И. Мингулов*, А.А. Шестаков**

* ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара

** ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный
университет», г. Самара

Демонстрируется опыт герменевтики по осмыслению предпосылок познания. Развивая онтологическую стратегию в осмыслении познания, Гадамер подвергает последовательный тематизации феномен предпонимания и механизм предания (традиции).

Ключевые слова: *предпосылки познания, предпонимание, традиция, до-предикативный опыт.*

Видный представитель философской герменевтики Х.-Г. Гадамер оказался одним из немногих философов, кому, как кажется, удалось не просто истолковать, но и последовательно развить онтологическую концепцию понимания Мартина Хайдеггера. В предисловии к своему фундаментальному труду «Истина и метод» мыслитель констатирует, что он не создает никакого учения об искусстве понимания, на что претендовала старая герменевтика, и не дает никакой системы правил такого искусства. «Моя действительная задача, – пишет в этой связи Гадамер, – была и остается философской: вопрос не в том, что мы делаем, что мы должны были бы делать, но в том, что происходит с нами сверх нашего желания и действия» (3, s. 438). Философ, иначе говоря, задается вопросом: что вообще делает осуществимой науку и как возможно понимание? Обратной стороной такого вопроса является осмысление претензий науки (научной рациональности) быть тем неизменным и единственным условием понимания мира, о котором говорили представители новоевропейского рационализма. Автор «Истины и метода» тем самым легитимирует роль феномена понимания в осмыслении предпосылочного контекста человеческого познания. Задача его герменевтических штудий в обосновании более «высокого» опыта постижения истины, нежели тот, что подчинен «научной методике» [1, с. 39]. Именно философской герменевтике по плечу открыть «условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей» [там же, с. 616].

В постановке автором «Истины и метода» вопроса об условиях человеческого познания можно наблюдать развитие взглядов Канта на данную проблему: мыслитель стремится выделить в качестве детерминирующих факторов развертывания когнитивного отношения уже не только науку и ей присущий тип рациональности, но всю «целостность

человеческого опыта и жизненной практики» [3, s. 439]. Философ достаточно энергично акцентирует необоснованность исключительных претензий *научного* познания в достижении истины, отводя именно герменевтической философии весьма ответственную роль – прояснить это в ситуации, «когда до суеверия верят в науку» [Ibid., s. 616].

Истина, по мнению Гадамера, может манифестировать о себе отнюдь не только в науке, но и в искусстве, историческом сознании и, наконец, языке как «универсальной среде» любого существующего когнитивного отношения. Принимаемая герменевтикой в качестве исходной, установка на понимание позволяет, по замыслу философа, освободиться в эпистемологических изысканиях от *порабощения* научностью и выйти тем самым к «понятию фактически существующего опыта» (Ibid., s. 445). Зададимся вопросом: какие же типологические черты такого опыта устанавливает сам философ? Это, во-первых, живая подвижность, во-вторых, историчность и, в-третьих, конечность. Человек, по мнению Гадамера, «вплетен» в опыт как бы помимо своей воли, и поэтому последний осуществляется как событие, у которого нет господина (см. подробнее: [1, с. 421–426]). Данный феномен является отправной точкой в обосновании мыслителем базовых гносеологических «понятий познания и истины» [там же, с. 40].

Говоря в самом общем плане, философ ставит перед собой задачу по выработке фундаментального учения о бытии, обстоятельной теоретической артикуляции феномена человеческого понимания. Последнему в герменевтической философии вообще придается некий доминантный категориальный смысл, оно мыслится как *исходное мироотношение* человека. «Понимание, – рассуждает в этой связи философ, – изначальная форма исполнения человеческого существования», «способ бытия человека» [там же, с. 311]. Тогда как наука с присущим ей особым типом рациональности характеризуется Гадамером в качестве «производного модуса человеческого Dasein» [6, s. 140]. Посредством такой установки, дезавуирующей, по сути, место и роль научной рациональности в духовном опыте человечества, представитель герменевтики продолжает линию критики сциентизма, начатую еще в начале XX в. Гуссерлем. Структуры донаучного знания, по мнению автора «Истины и метода», придают «своеобразие, и оно, несомненно, гораздо в большей степени определяет практическую и общественную жизнь человека, включая условия для занятий наукой вообще, чем то, чего можно было бы достигнуть путем рационализации человеческих связей» [1, с. 626].

Нельзя не обратить внимание, что в герменевтической теории феномены индивидуального сознания и самосознания выказывают свою производность от более широких и всеобъемлющих структур: «...На самом деле великие исторические действительности, общество и государство, изначально определяют собою всякое “переживание”. Самосознание и автобиография ... не изначальны и не могут служить основой для

герменевтической проблемы, ибо приватизируют историю» [там же, с. 329]. В противовес рефлексивной традиции, Гадамер апеллирует к историческому разуму: «Разум существует для нас лишь как реальный исторический разум, а это означает только одно: разум не сам себе господин, он всегда находится в зависимости от тех реальных условий, в которых проявляется его деятельность» [там же, с. 328]. В соответствии с изложенным выше логично задаться вопросом: каким образом эти «данности» воздействуют на разум, вообще на историческую конфигурацию всей системы когнитивной культуры? Гадамер, как можно предположить, задается целью эксплицировать некую онтологически закрепленную конституцию, которая могла бы объяснить существующее человеческое мироотношение. Это предположение подтверждает следующая выписка из его концептуального труда «Истина и метод»: «... проблема философии, которую выдвигает герменевтическая практика: вскрыть те онтологические импликации, которые лежат в “техническом” понятии науки» [там же, с. 622]. На роль реального прототипа указанной онтологической конституции Гадамер выдвигает язык.

Философ приходит к заключению, что мир науки и техники, всё имеющееся в человеке донаучное знание находится в растворенном состоянии в стихии языка. Именно через язык открывается человеку истина бытия, осуществляется встреча с миром. На страницах «Истины и метода» можно встретить ряд глубоких пассажей, раскрывающих существо данной проблемы. Вот один из наиболее показательных: «... Язык – это среда, в которой объединяются, или, вернее, предстают в своей истинной принадлежности “Я и мир” [там же, с. 548]. Посредством языка человек *вовлечен* в бытие, живет в мире, что предшествует любому акту рефлексивного сознания. Можно сказать, что философ вообще универсализирует феномен языка, придавая ему уже не только когнитивное значение: «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некой оснасткой - но на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир» [там же, с. 512]. «Тема языка, – как справедливо замечает сам философ, – является тем легитимным входом», что открывает индивиду и время и само бытие (цит. по: [2, с. 83]).

Итак, язык, следуя герменевтической теории мыслителя, образует самую плоть и реальную фактуру истории, ее вещественную компоненту. Логично задаться вопросом: о каком, собственно, языке ведет речь представитель рассматриваемой теоретической доктрины? Не боясь ошибиться, можно сказать, что отнюдь не о каком-либо специально-научном – математическом, скажем, или языке физики; на эту роль также не может претендовать и ни один из национальных языков, ибо с необходимостью возникает проблема перевода. Язык, стало быть, понимается философом в виде особого субъекта, к которому подключен каждый индивид в отдельности и все человечество вместе: «Язык говорит нами, поскольку никто из нас не является его действительной “силой”»

[4, s. 217]. Язык, далее, рассматривается Гадамером в качестве особого «фундаментального слоя», который может быть назван особой «... языковой конституцией мира». Последняя же являет собой «исторически-деятельное сознание, выступающее в качестве предварительной *схемы* всех наших познавательных возможностей» [5, s. 228].

Можно задаться вопросом: как же в таком случае возможно понимание мира? Мыслитель убежден, что наличное у человека в каждый данный момент истории сознание всегда является историей, а стало быть, и некоторой традицией. Наше наличное бытие, даже то, которое квалифицируется как настоящее, всегда есть уже «бывшее», отложившееся в истории. Как раз поэтому философ признает самонадеянными и, главное, совершенно бесперспективными попытки приступить к познанию с некой изначальной, абсолютно беспредпосылочной точки зрения. Обоснованию этой темы посвящены многие страницы его труда «Истина и метод» (см. подр.: [1, с. 333, 338]). Сам же факт выстраивания когнитивного процесса как принципиально преемственного свидетельствует о *конечности* человека, посрамляющей распространенную в философии иллюзию начать все с абсолютного нуля.

Исходя из такой трактовки познания, феномен понимания у Гадамера можно рассматривать «не как действие субъективности, но как включение в свершение предания, в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего. Именно этот момент и должен быть подчеркнут в герменевтической теории, где слишком большое господство приобрела идея метода» [там же, с. 345]. Квалифицируя связь человека с миром как языковую, представитель философской герменевтики считает, что любое сознательное человеческое действие глубинным своим основанием имеет лингвистическую традицию [там же, с. 549–550]. Учение о традиции, ее особой артикулирующей механике «свершения» занимает, таким образом, центральное место в интерпретации Гадамером предпосылочного контекста познания. Предание, идущее от прошлого, обладает, по мнению философа, детерминирующим воздействием на человека независимо от того, знает ли он об этой выступающей как «давление прошлого» детерминации или нет.

Изложенное выше дает основание предположить, что весь грандиозный гадамеровский проект экспликации онтологических предпосылок познания являет собой, в сущности, попытку демифологизации столь эзотерическим образом представленного в «фундаментальной онтологии» Хайдеггера *бытия*. С последнего спадают скрывающие его полумистические одеяния, и оно выступает уже в качестве бытия *предания* (традиции). Последняя, собственно, и представляет собой тот медиум, в континууме которого пребывает человек: «в действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» [там же, с. 329]. Исходя из такой трактовки, философская герменевтика важнейшей своей теоретической задачей видит восстановление целостности

именно тех пластов сознательной жизни индивида, что выпали из поля зрения предшествовавшей рефлексивной философской традиции. Тема донаучного опыта, впервые заявившая о себе в феноменологических опытах Гуссерля, становится своеобразным жизненным нервом всей эпистемологической проблематики у Гадамера.

Философ не без оснований считает, что транслированный посредством «предания» (традиции) опыт предшествует методологически ориентированному знанию, выступая своего рода почвой и мыслительным горизонтом рефлексивно неосознаваемых практических и жизненных интенций индивида. Исходя из хайдеггеровской идеи о принципиальной конечности человеческого существования (а потому – его историчности), автор «Истины и метода» обосновывает дальше идейную платформу, согласно которой опыт представляет собой постоянно изменяющуюся целостность человеческого мировосприятия. Именно в этом аспекте заключено серьезное отличие теоретико-познавательных идей Гадамера от концепции жестко фиксированного формализма Канта.

Сферой закрепления герменевтического опыта германский мыслитель считает феномен предпонимания. Познающий индивид, по мнению Гадамера, обращаясь к любому событию или явлению, уже имеет его «предварительное понимание», заданное той традицией, в которой человек живет и мыслит. Чем же реально является это предварительное понимание? В языке, говорит Гадамер, можно найти слово, удачно передающее смысл вышеназванной категории. Это слово – *предрассудок*. Вот как сам философ характеризует данный когнитивный феномен: «Задолго до того, как мы начинаем постигать самих себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем. Субъективность фокусируется системой кривых зеркал. Самосознание индивида есть лишь вспышка в замкнутой цепи исторической жизни. Поэтому предрассудок отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения, составляют историческую действительность его бытия» [там же, с. 329].

Рассматриваемые эпистемические феномены, как можно заключить, являются своего рода «осажденным» опытом, «темной основой» всех рефлексивно осознаваемых актов. И в этом смысле, конечно, эпистемологическая ценность данного феномена в серьезной степени отличается от того обыденного истолкования «предрассудка», что может у нас сложиться исключительно исходя из бытового употребления самого термина. Поскольку человек онтологически «встроен» в историческое «предание», то он никоим образом не может «сбросить с себя чары наших предрассудков» [там же, с. 566]. Представляется ясным, что сам «предрассудок» отнюдь не означает какого-либо неверного суждения; в нем заключена возможность как позитивной, так и негативной оценки. «Само по себе слово “предрассудок”, – поясняет философ, – означает пред-

суждение, то есть суждение, вынесенное до окончательной проверки всех фактически определяющих моментов» [там же, с. 322–323].

Что же касается практики научных исследований, то здесь феномен предпонимания выступает уже в виде «сложившейся общественной системы, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы» [там же, с. 617]. Содержание таких исходных для любого когнитивного акта норм составляет неустрашимый горизонт человеческого мировосприятия. Предрассудки, стало быть, прежде чем стать предметом осмысления в гносеологической теории, уже заданы индивиду, являясь онтологическим фактом его бытия. В этом плане задачи теории познания состоят вовсе не в устранении «предрассудков» (тема, как можно вспомнить, весьма характерная для философов Нового времени), а в нахождении оснований для различения их правомерности и соответствующего эпистемического потенциала.

Обобщим изложенное выше. В своих размышлениях Гадамер, как мы пытались показать, стремится акцентировать значимость допредикативного опыта в функционировании познания. Под «предрассудком» мыслитель, по сути дела, понимает то имеющееся у каждого из нас предпонимание, что задано историей. Это постоянно имеющееся у человека воззрение на окружающий мир всегда сопутствует отправлению более «рафинированных» интеллектуальных инициатив и, в частности, научного познания. Суждения указанного плана, не поддаваясь рефлексивному осмыслению, закладывают фундамент существующего до любых познавательных актов феномена предпонимания. Гадамер в этой связи совершенно обоснованно считает, что предпонимание существует везде, где «перерабатывается жизненный опыт, где понятия языковые традиции и где функционирует общественная жизнь» [там же, с. 626].

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
2. Шестаков А.А. Мировоззренческие основания познания: критика идеалистических концепций. Саратов: Изд-во СГУ, 1988. 127 с.
3. Gadamer H.-G. Hermeneutik II. Wahrheit und Methode. Ergänzungen. Register // Hans-Georg Gadamer. Gesammelte Werke. Tübingen, 1986. Bd. 2. 553 s.
4. Gadamer H.-G. Idee und Sprache. Platon, Husserl, Heidegger // Gadamer H.-G. Kleine Schriften. Tübingen, 1972. Bd. 3. 271 s.
5. Gadamer H.-G. Die Universalität des hermeneutischen Problems // Hans-Georg Gadamer. Gesammelte Werke. Hermeneutik II. Wahrheit und Methode. Ergänzungen. Register. Tübingen, 1986. Bd. 2. S. 219–231.

6. Gadamer H.-G. Vernunft in der Epoche der Wissenschaften. Frankfurt/M., 1976. 210 s.

**ON THE ANALYSIS OF KNOWLEDGE PRECONDITIONS IN
H.-G. GADAMER'S PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS**

H.I. Mingulov*, A.A. Shestakov**

* Samara State University of Economic, Samara

** Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

The article examines the value of hermeneutics heritage for understanding the prerequisites of knowledge. Developing the ontological strategy of knowledge understanding, Gadamer offers a deep analysis of the foreknowledge phenomenon and the tradition mechanism.

Keywords: *background knowledge, fore-understanding, tradition, fore-predicative experience.*

Об авторах:

МИНГУЛОВ Хамзя Ильясович – кандидат физико-математических наук, проректор ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», Самара. E-mail: Mingulov@sseu.ru

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

Authors information:

MINGULOV Hamzya Ilyasovich – Ph.D. (Physics and Mathematics, Vice Rector of VPO «Samara State University of Economics», Samara. E-mail: Mingulov@sseu.ru

SHESTAKOV Alexandr Alexeevich – Ph.D., Professor, Chair of the Department of the «Samara State University of Architecture and Civil Engineering», Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru